

Сунь Юе

Науч. рук. **И. Г. Гомонова**,
канд. филол. наук, доцент

КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЕ НАЗВАНИЯ ЯГОД В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Основанием для характеристики названий ягод (*брусника, бузина, земляника, калина, клюква, малина, морошка, рябина, смородина, боярышник, ежевика, клубника* и др.) как культурно значимых служит 1) отражение в различных словарях ассоциаций, представлений, традиций, связанных с номинируемыми ягодами; 2) широкая представленность названий ягод в текстах разных авторов, разных стилей и жанров; 3) наличие в русском языке устойчивых выражений с данными номинациями.

В основе наименований ягод лежат, как правило, их внешние признаки; реже – особенности их произрастания. Напр., *земляника* – суффиксальное производное от *земляной*; растение получило название по ягодам, которые нередко почти лежат на земле. *Смородина* – суффиксальное производное от *сморода*, того же корня, что и *смердеть, смрад*. Название было дано по сильному и терпкому запаху черной смородины.

В русском языке представлены фразеологизмы и паремии с номинациями ягод. В пословицах чаще всего встречаются существительные *калина, клюква, малина*: *Калина сама себя хвалила, что она с мёдом хороша; Спустия лето, по малину в лес не ходят*. Тематически паремии с названиями ягод разнообразны. Некоторые из них построены на противопоставлении: *Чужбина – калина, Родина – малина*. С ягодами связаны многочисленные народные прогнозы. Соответственно, названия ягод представлены в паремиях-прогнозах: *Коли брусника поспела, так и овес подошёл; Много ягод рябины – хороший урожай в будущем году*.

Культурно значимый характер анализируемых номинаций основывается также на присущем им символическом значении. Так, *калина* с ее горькими ягодами символизирует для русских трудную, горькую жизнь, особенно несчастливую женскую судьбу. О *калине* поется в русских народных песнях, где она часто сравнивается со сладкой ягодой – *малиной*, символизирующей жизнь хорошую, сладкую [1, с. 245].

Таким образом, названия ягод в русском языке образуют наряду с другими лексическими единицами лексический фон, который тесно связан с культурой общества.

Литература

1 Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М. : АСТ-Пресс, 2007. – 726 с.

В. В. Хоронжая

Науч. рук. **Т. Н. Усольцева**,
канд. филол. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «ПЕЛАГИЯ И БЕЛЫЙ БУЛЬДОГ»

Художественное пространство романа Б. Акунина «Пелагия и белый бульдог» может быть рассмотрено с точки зрения реализации концепта «свой – чужой». «Свое» пространство определяется как безопасное, гармонично организованное. Ему противопоставляется пространство иное, «чужое», которое воспринимается как враждебное, опасное, хаотическое.

Выделяется несколько типов данной оппозиции: мифологический, тоталитарно-религиозный, философский. С точки зрения мифологического типа оппозиции, элементы «чужого», как правило, носят демонический характер. В романе носителями демонического начала выступает компания Бубенцова, первое появление которой предстает для тихого Заволжска как пришествие Апокалипсиса.

Обратившись к мифологическим мотивам, можно выяснить, что образ Бубенцова воплощает в себе черты Сатаны. Автор наделяет Бубенцова различными эпитетами, носящими исключительно пейоративную коннотацию: «зловредный инспектор», «синодальный паук» (использование архетипических анималистических образов – аллюзия на Змия), «бес», «злоделатель», «адское исчадие». Нередко Акунин прямо называет его Сатаной.

Бубенцов, как и Сатана, имеет приспешников. В христианской мифологии одним из значительнейших посланцев Дьявола является Антихрист – «противник Иисуса Христа, который явится в конце времён и возглавит борьбу против Христа, но будет им побеждён» [1, с. 85]. Он не Сатана, а человек, действующий по его наущению. Антихрист носит маску Христа, стремится занять место Христа, быть за него принятым.

Образ Антихриста воплощает Тихон Спасенный. На протяжении всего романа он носит маску благодетели и истовой набожности, своеобразную «маску Христа», при этом совершая чудовищные убийства.

Таким образом, с точки зрения мифологического типа оппозиции «свой – чужой» Бубенцов и его прислужники воплощают идею «чужого». Об этом свидетельствуют и мифологические прототипы персонажей, обладающие сатанинской природой, и различные демонические мотивы, проявляющиеся на различных уровнях текста.

Литература

1 Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1.: А – К. – 671 с.

А. А. Целепнева

Наук. кiр. **В. С. Новак,**

д-р фiлал. наук, професар

ВЯСЕЛЬНАЯ АБРАДНАСЦЬ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ: СЕМАНТЫКА ВОБРАЗАЎ-СІМВАЛАЎ

Вясельныя абрады і песні Гомельшчыны вылучаюцца разнастайнасцю вобразаў, іх самабытным характарам і адметнай семантыкай. Засяродзім увагу на адным з абрадавых этапаў давясельнага перыяду – сватанні, для якога былі характэрны рытуальныя іншасказальныя дыялогі і нешматлікія песні-ілюстрацыі.

Як вынікае з фактычных матэрыялаў, запісаных у розных раёнах Гомельскай вобласці, звычайна абрад сватання пачынаўся з алегарычнага дыялогу: “*Чулі мы, што вы прадаеце цёлку. – У нас цёлкі няма, а ў нас ёсць дзеўка*” [1, с. 5]. “*Мы ж прыйшлі па дзела. Наш бык к вашай цёлке прывык*” [1, с. 22]. Выкарыстанне зааморфных вобразаў (“цёлачка”, “бык”) у прыведзеным прыкладзе дазваляе сімвалічна абзначыць вобразы маладых і падкрэсліць факт устойлівасці бытавання народных вераванняў, звязаных з купляй-продажам нявесты.

У якасці вобразаў-сімвалаў маладой выступаюць і птушкі: “*Мы чулі многа добрага пра вашу дачушку, а ў нас ёсць галубок да пары вашай галубцы. Дык ці не спараваць нашых галубкоў?*” [1, с. 28].

У давясельнай лірыцы вобразы-сімвалы не толькі ўвасабляюць маладую і маладога, але, напрыклад, і сватоў. У залежнасці ад таго, як ставяцца да сватоў, апошнія могуць паўставаць у вобразах розных жывёл і птушак (“сівыя сокалы”,